
ГРУППА ПОДДЕРЖКИ
КЕЙСИ ДЖО УЭЛЛС

Кейси Джо Уэллс

Группа поддержки

«Автор»
2026

Уэллс К.

Группа поддержки / К. Уэллс — «Автор», 2026

Пять человек, пять историй о спасении, одна ночь в подвале церкви.Глеб пришел сюда, чтобы избавиться от страха.Но чем дольше он слушает чужие рассказы о катастрофах, тем яснее понимает: что-то здесь не сходится. Что-то не так с этими людьми. Что-то не так с этой церковью.И когда часы пробьют полночь, Глеб узнает, почему ему было так страшно. Но главное для него — успеть понять это до того, как ведущий скажет: «Нам пора наверх»

© Уэллс К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 12
Глава 4 17
Глава 5 20
Глава 6 23
Глава 7 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Кейси Джо Уэллс
Группа поддержки

Глава 1

Такси остановилось на мосту, потому что Глеб закричал.

Изначально, он не собирался кричать. Всю дорогу он сидел на заднем сиденье, вцепившись в ремень безопасности, и старался не слушать радио, в котором кто-то тихо наигрывал мелодию без слов, одну и ту же, снова и снова.

Он назвал только церковь Всех Святых, и водитель молча кивнул, не спросив ни улицы, ни номера дома, а на мосту вдруг посмотрел в зеркало и сказал: «Тоже на собрание?»

Глеб не успел ответить, потому что в ушах возник тот самый скрежет, длинный, металлический, от которого немеют зубы и холодеют пальцы, а следом пришёл вкус железа на языке и ощущение ледяной воды, которая поднимается по ногам, хотя ноги были сухими. **Он проверял их специально.**

Сердце колотилось так, что он слышал его в горле, и руки сами рванули дверную ручку: раз, другой, третий, пока водитель что-то говорил про мост и про то, что здесь нельзя останавливаться, и что он какой-то ненормальный.

Потом он оказался на асфальте. Он не помнил, как вышел. Он стоял на коленях, ладони были ободраны, и он хватал воздух ртом, как рыба, потому что воздух вдруг перестал заходить внутрь, а в голове стучало одно и то же: «**Выбирайся, выбирайся, выбирайся!! »**

Где-то очень далеко сдавало назад такси, огромное, как тень, и мелодия из его радио ещё секунду плыла над мостом, прежде чем оборваться.

Прошла минута, а может, десять. Он начал считать. Пять предметов, которые он видит: *перила, фонарь, свои руки, тёмное пятно на асфальте, бумажка, выпавшая из кармана.* Четыре предмета, которых он может коснуться. Три звука. Так учил психотерапевт, и это почти никогда не работало, но Глеб всё равно считал, потому что больше в тот момент он ничего не мог сделать.

Он поднял бумажку. Руки дрожали так, что он едва не выронил её.

«Группа поддержки для переживших катастрофу. Сегодня, 00:00. Приходите, даже если не уверены, что вам сюда».

Телефон показывал 23:41 и ни одной полоски связи, а карта беспомощно крутила белый круг. До полуночи оставалось девятнадцать минут, и он не помнил, как называется улица, на которой стоит, и в какой момент мост закончился, потому что, когда он поднял голову, никакого моста за спиной уже не было.

Он пошёл вперёд, потому что стоять на месте было ещё хуже. Улица была пуста, ни машин, ни прохожих, и только фонари тянулись вдоль тротуара, и он машинально начал их считать, но сбился на седьмом, потому что понял, что не знает, в какую сторону идёт. Ноги шли сами.

Они свернули в один переулок, потом в другой, и каждый раз, когда он собирался остановиться и спросить дорогу, впереди обязательно темнела следующая арка, а спросить было

некого. Во всех окнах горел неровный жёлтый свет, будто там тоже зажгли свечи, и ни за одним стеклом не шевелилась ни одна тень.

Где-то посреди этого пути ему вспомнились фары. Только фары, жёлтые и слепящие, и чей-то голос, который повторял его имя, ***снова и снова,*** всё тише, и Глеб резко мотнул головой, чтобы эта картинка погасла, и ускорил шаг.

Он заметил браслет, только когда поправлял часы. Тонкая полоска белого пластика обхватывала запястье под рукавом, и на ней мелким шрифтом было что-то напечатано, но в темноте он не мог разобрать, что именно. Глеб попытался вспомнить, откуда он взялся, и не вспомнил, и решил, что, наверное, выдали в *поликлинике*, хотя там никогда не выдавали ничего подобного.

Церковь появилась внезапно, как будто её только что поставили на этом месте. Старая, из тёмного кирпича, с низкой дверью сбоку, над которой горела единственная тусклая лампочка. Дверь была приоткрыта, и из щели тянуло холодом и сладким воском.

Лестница вниз была узкой и крутой, и где-то в стенах, совсем близко, шумела вода в трубах. Звук нарастал, и Глеб почувствовал, как сжимается горло, и ему пришлось остановиться на пятой ступеньке и держаться за стену, шепча про себя: «**Это трубы, это просто трубы**».

Он досчитал до тридцати и потом спустился.

Глава 2

Церковь выглядела жутковато, особенно в такую погоду.

Она стояла прямо посреди деревьев, такая старая, из темного облезлого камня, а из-за постоянного дождя стены вообще казались почти черными. Крыша у нее была какая-то слишком острая, а вытянутая башня сверху уходила прямо в темные тучи, из которых вовсю лило.По стеклам в узких окнах вовсю хлестала вода, так что через них ничего нельзя было толком разглядеть.

Но внутри точно кто-то был, потому что из окон шел яркий, желтоватый свет.Он падал прямо на размытую дорогу и лужи, и от этого становилось еще больше не по себе. Вокруг церкви росли старые корявые деревья без листьев, которые от ветра постоянно скрипели и стучали ветками друг о друга.Когда подходишь ближе к крыльцу, замечаешь, что на здании нет вообще ни одного креста.

То ли их сняли когда-то, то ли вообще забыли поставить. Вокруг только мокрый камень, грязь под ногами и этот свет из окон, который как будто затягивает тебя внутрь. А внутри, если заглянуть, на полу уже стояли эти деревянные стулья, расставленные по кругу.

Но свободным оказался только один, между пожилой женщиной в сером платке и каким-то парнем, который даже не поднял головы, и Глеб понял, что выбирать тут не из чего.Он сел осторожно и сразу пожалел: сиденье было такое холодное, будто его вынесли с мороза.

Холод прошёл сквозь куртку и джинсы, и Глеб невольно поджал ноги, но стул под ним даже не скрипнул.Никто ничего не сказал, очень странно... Он ждал, что кто-нибудь кивнёт или хотя бы буркнёт «привет», потому что так обычно бывает, когда приходитЧтобы не пялиться на людей, он стал разглядывать подвал: он был похож на погреб - низкий потолок с тёмными потёками, кирпичные стены, на которых когда-то была штукатурка, а теперь остались одни серые пятна.

В углу стоял ржавый обогреватель, явно давно мёртвый, и стопка складных стульев, накрытых куском выцветшей ткани.И повсюду свечи: на полу вдоль стен, на подоконниках узких окон под самым потолком, на каких-то уступах. Он начал считать, как всегда, и дошёл до двадцати трёх, а потом сбился, потому что заметил странное.

Пламя стояло ровно: оно не дрожало, не тянулось в сторону, хотя от лестницы тянуло сквозняком, и он чувствовал его затылком. Свечи горели так, будто их нарисовали.«Ну, наверное, они какие-нибудь специальные, не настоящие.

Да, это муляж», подумал он и сам себе не поверил, потому что воск вокруг фитилей был мокрый и блестел.Он осторожно покосился на соседку. Женщина в сером платке сидела, сложив руки на коленях, и смотрела прямо перед собой, но не на что-то конкретное, а как смотрят в окно поезда, когда за ним ничего нет. Лет шестьдесят, может, больше, платок завязан аккуратно, под подбородком. Он ждал, что она почувствует взгляд и повернётся, но она не повернулась. Даже веки не дрогнули.

«Просто устала, ночь же, а она старенькая уже», сказал он себе. «Или таблетки какие-нибудь пьёт. Зачем она то пришла?»Хотелось встать и уйти.

Но Глеб поймал себя на этой мысли с каким-то глупым удивлением, потому что ещё двадцать минут назад он готов был ползти сюда на коленях.Но уходить теперь было неловко, да и куда: по лестнице назад, по пустым улицам, к мосту, который куда-то делся. Он потёр ладони, ободранные об асфальт, и они неожиданно не болели. Совсем.

Он даже поднёс их к свету, но ссадины были на месте, красные, с засохшими крупинками грязи, а боли не было, как будто их кто-то стёр из его ощущений.Глеб сунул руки под мышки, чтобы не смотреть на них, и тут почувствовал, как на него пристально смотрят.Он поднял голову: мужчина в тёмном пальто, стоявший чуть в стороне, у колонны, глядел прямо на него и улыбался.

По его опыту так улыбаются врачи, когда хотят сказать «всё хорошо, не волнуйтесь». В руках у него был блокнот, закрытый и с потёртым корешком.Глеб улыбнулся в ответ, но получилось криво. И только потом сообразил, что за всё это время мужчина не моргнул. Ни разу.

Глава 3

«Кто хочет начать?»

спросил Лев Андреевич, как его называли здесь все, и обвёл круг взглядом, как учитель.

Руку никто не поднял, но высокий мужчина напротив Глеба вдруг выпрямился ещё сильнее, хотя казалось, что сильнее уже некуда, и сказал: «Давайте я! А то если не я, то буду сидеть и думать, что сейчас вызовут меня». Он даже усмехнулся. Вроде бы.«Виктор, прошу вас».Он откашлялся и потёр кулаком грудь, там, где у людей обычно пристегнут ремень безопасности.

«Летел я домой, у дочки был день рождения. Куклу я ей купил, с настоящими волосами такими, золистыми. Ох и дорогая она была! Держал её на коленях, всю дорогу гладил по голове, представлял, как дочка обрадуется. Я её не часто баловал, все на вахтах. Потом самолёт вдруг провалился, как будто под нами выдернули пол, и у меня желудок подскочил к горлу.

Все закричали разом, а сверху, из панелей, посыпались эти маски, жёлтые, и качались на резинках, как повешенные».Он невесело хмыкнул.«Рядом сидела женщина. Она схватила меня за руку так, что кости хрустнули, и всё повторяла: тихо, тихо, тихо, а сама дрожала вся. А сзади плакал ребёнок. Долго плакал, а потом перестал чего - то».

Глеб заметил, что пальцы Виктора сами собой сжались, будто до сих пор в чьей-то хватке.«Потом хруст. Не удар даже, а именно хруст, как будто огромная челюсть откусила от самолёта кусок.

Свет погас.

Запахло керосином и палёными волосами, и я долго не понимал, откуда этот запах, пока не увидел, что у куклы на коленях горят волосы».Он помолчал.«А женщина больше не держала меня за руку. Рука осталась у меня в ладони, а женщины рядом не было».Где-то за стенами глухо булькала вода в трубах.

Захотелось зажать уши, но Глеб сидел и слушал, потому что невозможно было не слушать: голос у Виктора был такой громкий.И тут прямо перед глазами у него появилась картинка: чьи-то огромные грязные руки держат маленькую куклу в платье, а у той на голове горят и дымятся длинные черные волосы.И этот серый дым от волос так отчетливо пополз вверх, прямо как от свечей здесь, в зале. Глебу на секунду даже показалось, что он этот паленый запах почувствовал.Он потряс головой, пытаясь прогнать это наваждение. И так тошно, а тут еще в башке всякая дрянь рисуется.«Огонь я видел за иллюминатором. Он шёл по крылу, и я помню, что подумал: зрелище то ещё». Виктор поднял глаза. «А потом я здесь. Ну вот так».

«А как вы выбрались?» спросил Глеб.

Он сам удивился, что заговорил.Виктор долго смотрел как будто сквозь него: «Меня вынесли, наверное. Кто-то вынес. Помню руки, холодные такие, под мышки несли вроде. Лиц не помню. Ничего больше не помню».Остальные закивали, мягко, согласно, и никто ничего не уточнил.

Глеб подождал, что кто-нибудь удивится или хотя бы переспросит, но все только кивали.Странно, подумал он. Человек чуть не умер, а рассказывает так, будто пересказывает фильм. И тут же одёрнул себя: у каждого своя защита, он и сам, когда его спрашивали в больнице про тот день, отвечал что-то вроде «ну, была авария» и менял тему. Может, и у Виктора так. Может, это просто привычка.Но привычка к чему, он понять не мог, и это царапало ему горло.«Спасибо, Виктор», сказал Лев Андреевич. «Нина, а вы? Давно не говорили. Поделитесь».

Женщина в белых перчатках вздрогнула. Она сидела боком к двери, как и Глеб, и перчатки были натянуты у неё до самых запястий, хотя в подвале стояла духота.«Я так себе рассказчик», сказала она быстро. «Короче, пожар. Я проснулась, потому что стало светло, а ночь на дворе же. Подумала, может, фонарь у подъезда включили».

Она нервно рассмеялась. «Потом услышала треск, ровный такой, будто кто-то в соседней комнате разворачивается фольга для попкорна. Дверная ручка была горячая, но я всё равно схватилась, и она прилипла к ладони. Я рванула, и кожа осталась на ручке». Она невольно посмотрела на свои руки. Глеб посмотрел на её перчатки и тут же отвёл глаза. Его аж передернуло от такой картины, и он невольно спрятал собственные руки в карманы.

Смотреть на Нину после этих слов стало по-настоящему жутко.«В коридоре стоял огонь. Не бегал по стенам, как в кино, а стоял посреди прохода, высокий, вертикальный, как человек. Я клянусь, он повернулся ко мне. У него не было лица, но я точно знаю, что он на меня посмотрел!»

Голос у неё стал совсем тонкий.«Я побежала к соседям, колотила в двери, кричала».Запахло дымом, едва заметно, как от одежды после костра. Глеб поморщился, а потом вспомнил, что на ней нет ни пятнышка сажи.«Потом я лежала на траве во дворе, и трава была мокрая и холодная. Мне совсем не было больно». Она вдруг вскинула на него глаза. «Совсем. Хотя я точно помню, как у меня горели руки».«Повезло», эхом сказал кто-то слева, но никто не

подхватил.Глеб подумал, что сравнивает. Виктор: «вынесли, наверное». Нина: «не помню, как вышла».

У обоих в рассказе одинаковая пустота в одном и том же месте, ровно там, где должно быть самое главное. Как будто у историй вырезали середину и аккуратно склеили края.Совпадение, сказал он себе. Так бывает. Мозг защищается, стирает самое страшное, мне ли не знать! Он ведь и сам до сих пор не мог вспомнить, что было между фарами и больничным потолком.Но объяснение, которое он придумал, было удобное, а удобные объяснения Глеб привык проверять. Это проверку не выдержало.

Он посмотрел на часы над лестницей, надеясь хоть как-то зацепиться за время.Без двух минут двенадцать.Он смотрел на них ровно столько, сколько нужно, чтобы убедиться, что стрелка не сдвинулась.Пламя свечей дрогнуло, хотя сквозняка в помещении по - прежнему ее было.

Из дальнего угла донеслось едва слышное эхо шагов. Подошвы с едва различимым скрипом коснулись влажного пола, а следом раздался вздох, переросший в тихий, зовущий за собой зов. Будто кто-то позвал его по имени :"Глеб? Глеб!"

«Какая-то чертовщина» - подумал он.«Надо отсюда уходить».

Глава 4

Лев Андреевич тем временем перевел взгляд дальше по кругу.

— Олег, — мягко обратился он к мужчине, сидевшему напротив Нины.

— А как ваши дела? Вы сегодня как-то особенно молчаливы. Расскажете?Олег тяжело вздохнул. Было видно, что ему тоже нелегко начинать. Он сидел на своем деревянном стуле, который противно скрипнул в тишине подвала, и сцепил пальцы замком на груди.

— Да что рассказывать... — Олег замолчал на секунду, глядя куда-то в пол между стульями.— У меня огонька не было, как у Нины.

Наоборот. Вода. Я в машине чуть не утонул!До сих пор, блин, когда в сильный ливень еду или мост какой-нибудь переезжаю, руки на руле застывают так, что пальцы сводит.Он глубоко вздохнул, шумно выдохнул через нос и продолжил уже ровнее:— Дело осенью было, как сейчас помню. Конец октября, темень жуткая, дождь хлыстал такой, что дворники на лобовом вообще не справлялись. Ехал по старой пригородной дороге, там фонарей отродясь не было.Спешил очень, дурак, скорость превысил на повороте. А там, у реки, асфальт размыло к чертям, и колесо в глубокую яму влетело.Машину крутануло, понесло боком по грязи. Я даже сообразить ничего не успел, только фары на секунду отразили темную воду впереди. И всё. Сильный удар обо что-то, треск бампера, и мы ухнули с обрыва прямо в реку.

Глеб слушал Олега, затаив дыхание.В душном подвале, кажется, стало еще холоднее, хотя пот продолжал катиться по спине.У самого Глеба перед глазами стоял его собственный кошмар : тот самый вечер, визг тормозов прямо перед лицом и ослепляющие фары внедорожника, который едва не размазала его по асфальту на пешеходном переходе.

Тоже ПТСР, как и у всех тут.

Но слушать про воду было по-своему жутко.

— Самое страшное начинается потом, — тихо говорил Олег, его голос слегка подрагивал. — Первые секунды ты вообще в ступоре. Машина качается на воде, фары еще горят под водой, высвечивают муть какую-то, водоросли. А потом снизу, из-под педалей, начинает хлестать, ледяная, черная вода. Она прибывает моментально, прямо на глазах.Сначала по щиколотку, через полминуты уже по колено. Я за эту ручку дверную дёргаю, а её заклинило!От удара, наверное, кузов повело. Электроника сразу сдохла, стекла не опускаются. Ты сидишь в

этой железной коробке, вокруг темнота, и понимаешь, что ты в ловушке.Олег прервался. Нина сидела неподвижно, прижав ладони в белых перчатках к груди.

Лев Андреевич внимательно слушал, чуть подавшись вперед.— Начинается дикая паника, — продолжал Олег. — Дышать тяжело, потому что воздух в салоне сжимается, вода уже по грудь дошла.Ледяная, аж ребра сводит, дышать не дает. Я начал со всей силы бить ногами в лобовое стекло. Бью, а оно не бьется, только трещинами идет. Вода уже до подбородка достает, я голову к самому потолку прижал, последний воздух глотаю.В ушах гул, темнота полная, фары окончательно погасли.

Помню мысль: «Ну всё, отъездился!»И в самый последний момент, когда уже почти сознание терял, от давления воды заднее стекло само лопнуло. Меня просто потоком наружу

вытолкнуло. Как я на берег выполз, вообще не помню.Повезло, что глубина там была метра три, не больше, и до берега близко.

— С тех пор всё, — тише добавил он. — Если сильный дождь начинается, у меня паника. Кажется, что сейчас опять лобовое зальет, колеса заскользят и я снова окажусь в той темноте, под водой. Жить с этим вообще невозможно.

Глава 5

Заметка к книге:

Мало кто знает, что Хэллоуин появился задолго до конфет, костюмов и вырезанных тыкв. Его история началась больше двух тысяч лет назад, когда на землях современной Ирландии, Шотландии и других частей Европы жили кельты, которые отмечали праздник Самайн, символизировавший конец лета и начало тёмного, холодного времени года. Для людей того времени зима была не просто холодом, ведь она означала голод, болезни и смерть, а когда солнце садилось всё раньше, ночи становились длиннее и за стенами домов начинался мир, которого многие по-настоящему боялись.

Кельты верили, что в ночь на первое ноября мёртвые могут вернуться в мир живых, поскольку, согласно их поверьям, в это время граница между двумя мирами становилась тоньше и духи могли бродить среди людей, а живые рисковали случайно встретить тех, кого давно похоронили. Чтобы защититься от незваных гостей из потустороннего мира, люди разводили огромные костры, собирались вокруг огня и надевали маски вместе с одеждой из шкур животных, надеясь, что духи не узнают их и пройдут мимо.

Можно представить себе эту картину: холодная ночь, ветер, огромный костёр посреди поля и люди в страшных масках, которые стараются не смотреть в темноту за пределами света, потому что сами не знают, что может скрываться там, куда не достают языки пламени. Позже древние обычаи смешались с христианскими праздниками, первое ноября стало Днём всех святых, а вечер накануне получил название All Hallows Eve, которое со временем превратилось в привычное нам слово Хэллоуин.

Однако далеко не все традиции появились из древних обрядов, и, например, знакомые всем фонари из тыкв связаны с ирландскими легендами, одна из которых рассказывает о человеке по имени Джек, сумевшем обмануть дьявола, но после смерти не получившем места ни в раю, ни в аду. Согласно этой истории, ему пришлось вечно скитаться по земле с тлеющим угольком внутри вырезанной репы, поэтому люди начали вырезать на овощах страшные лица и ставить их у дверей, надеясь отпугнуть злых духов, а когда ирландцы переселились в Америку, репу постепенно заменили тыквы, которые было гораздо проще вырезать.

Даже традиция ходить по домам за угощениями появилась не сразу, поскольку в средневековой Европе бедняки приходили к чужим дверям и просили еду, обещая взамен молиться за умерших родственников хозяев, а со временем этот обычай изменился и превратился в зна-

комое нам «сладость или гадость». Сегодня Хэллоуин кажется безобидной игрой, во время которой люди покупают костюмы, украшают дома и смеются над тем, чего когда-то боялись всерьёз, а древние костры сменились фонарями, маски из шкур животных превратились в пластиковые лица, и подношения, которые когда-то связывали с миром мёртвых, уступили место шоколадным конфетам.

И всё же каждый год, в ночь на первое ноября, миллионы людей снова надевают маски и выходят в темноту, хотя никто не может доказать, что мёртвые действительно возвращаются в эту ночь, и, возможно, древние люди просто пытались объяснить то, чего не понимали. Но есть что-то странное в самом смысле этого праздника, ведь когда-то люди надевали маски не ради веселья, а потому, что боялись быть узнанными теми, кто, как они верили, приходил из темноты.

И если задуматься, страшнее всего даже не то, что может скрываться за маской, а сама мысль о том, что люди придумали её задолго до того, как Хэллоуин стал праздником.

Глава 6

— Глеб, — сказал Лев Андреевич.

— Давайте теперь вы.Глеб ждал этого весь вечер и всё равно вздрогнул, пока говорили другие, можно было сидеть и кивать. Теперь же кивать надо было самому себе.— Да у меня ничего такого, — начал он и сам услышал, как фальшиво это звучит. — Не как у вас.

Меня просто чуть не сбили.Версия была гладкая, как камешек в кармане.Он столько раз её повторял: психотерапевту, маме, коллеге, который спросил, почему он теперь обходит тот перекрёсток.Вечер, зелёный свет, внедорожник из-за поворота, визг тормозов. Он успел отпрыгнуть, только ладони ободрал. Дальше всегда шло «мне просто повезло», и после этих слов можно было менять тему.

.Он дошёл до «повезло» и остановился, все в круге молчали, и Глеб вдруг понял, что творится что-то не то.Обычно, когда люди слушают, они ёрзают, вздыхают, моргают. Эти же не делали ничего. Виктор, Нина, Олег, бабушка в сером платке сидели лицами к нему, ровно, одинаково, как фигуры, которые расставили по кругу и забыли.

— Я шёл с работы, — сказал он, чтобы заполнить тишину. — Была пятница.. или эмм.. четверг.День недели всегда был на месте, вместе с остальным, а сейчас оттуда сочилась дыра, и из этой дыры тянуло мертвым холодом.— Горел зелёный свет. Я это точно помню!— Да, зелёный, — сказала Нина. Она не спрашивала, она повторила его слово в то же мгновение, когда оно ещё висело в воздухе.Глеб сглотнул. Почудилось, наверное.

— Я вышел на дорогу, и тут свет прям в глаза . Фары…— Много машин было?— сказал Олег.— Одна машина! — Глеб почти выкрикнул это и увидел, что никто не вздрогнул. — Одна. Просто очень яркая.В трубах что-то стукнуло. Раз. Потом ещё. Ровно, с паузой между ударами, будто где-то в стене стучали по железу карандашом.

Глеб прислушался и ему показалось, что он уже слышал этот ритм. Где-то. Недавно. Только никак не мог вспомнить, где. Такой знакомый звук. Где он его слышал ? Где?— Дальше я плохо помню, — сказал он. — Я никогда не мог вспомнить до конца. Врачи говорили, мозг

таким образом защищает меня.— Похоже плохо защищает,— сказал Виктор, и все, кроме Глеба, едва заметно кивнули. Одновременно.Глеб потёр ладони о джинсы, чтобы не смотреть на них.— Асфальт был такой мокрый, — услышал он собственный голос. — Но дождя ведь не было!Он замолчал, он не собирался этого говорить. Слова вылезали сами, как вылезает изо рта то, что не успел проглотить.— Я вижу, я помню .. Там лежит что-то маленькое. Я стою и смотрю. — Горло сжалось. — Кукла в платье. Волос нет, они обгорели, голова чёрная. Я думаю: чья она? Надо поднять, а то раздавят.Он поднял глаза на Виктора, тот не двигался. Лицо у него стало пустым, как стекло, и только пальцы на груди медленно сжались в кулак, будто ухватили невидимый ремень.

— Погодите! Так это же ваша история?— Глеб почти умолял. — Вы же рассказывали про куклу. Это не мои воспоминания!— Может быть, — сказал Виктор. Губы у него шевелились, но голос шёл как будто не из них, а откуда-то из пола.Стук в трубах стал чаще.— А еще запах, — продолжал Глеб, потому что остановиться уже не мог.

— Тяжёлый такой , сладкий. Палёные волосы, железо во рту и скрежет, как будто что-то огромное тащат по металлу. Я думаю: такого на переходе быть не должно. Такое бывает на мосту.Стук прекратился.— На каком таком мосту? — спросил Лев Андреевич.Он единственный сидел с открытым блокнотом, хотя Глеб не заметил, когда тот его раскрыл. Карандаш в его руке стоял над страницей и не двигался.— Я не... Никакого моста не было. Был переход.

— А такси? — спросила Нина. — Вы ехали на такси.— Это было сегодня! Это другой мост!— А вода, — сказал Олег. Он смотрел в пол, но голова его медленно, как у совы, поворачивалась к Глебу, пока не повернулась до конца. — Там была вода?— Нет. — Глеб вскочил бы, но ноги не слушались. — Нет, воды не было!Холод пополз по ботинкам. Он знал, что они сухие: он проверял в первый же час, сразу после такси, потом ещё раз на лестнице, потом сидя на этом стуле, незаметно, чтобы никто не заметил. Но они все равно как будто были мокрыми.

Он поднимался от щиколоток к коленям, как поднимается вода в ванной.Он зажмурился и начал считать: раз, два .. пять предметов, которые видишь.—Свечи, — зашептал он. — Стул, руки. Трубы...

— Успокойся, сынок.Он открыл глаза. Бабушка в сером платке впервые за вечер смотрела на него. Она не повернула голову, а просто смотрела, и лицо у неё было такое обычное, такое доброе, как у соседки с лестничной клетки. Только глаза стояли слишком ровно. Не моргали, как у Льва Андреевича.

— Не считай, — сказала она. —Собьешься, придется заново. А у нас время …Она наклонилась, и Глеб увидел, что остальные наклонились вместе с ней. Все четверо, одним движением, как будто нитка стянула круг возле него. Глеб вздрогнул.Далеко, сквозь толщу воды, пробился чей-то голос. Растянутый и гулкий. Он звал его по имени.— Глеб. Глеб, ты меня слышишь? Ну пожалуйста...

И рядом ровный, равнодушный писк,такой же, как стук в трубах. Тот же самый ритм.Кто-то нёс его. Он чувствовал это спиной: холодные руки под мышками, подбородок в чужом плече, пятки волочатся по гравию.Голос срывался, сыпался слезами, потом слова пропали, остался только стук.— Кто-то звал меня по имени, — прошептал Глеб. — А потом перестал звать.— Хорошо, — согласилась бабушка, и ему показалось, что она отняла ладонь от его руки.Стука в трубах больше не было. Вообще никакого.И тогда Глеб заметил то, что должен был заметить в самом начале: из всех, кто сидел в круге, пар шёл только от его рта. Он дышал, и в холодном воздухе плыло белое облачко, а у них не двигалась ни грудь, ни плечи. Они не дышали. Никто из них не дышал и уже как будто давно.Лев Андреевич закрыл блокнот.

— Спасибо, Глеб, — сказал он тихо. – А теперь нам пора наверх.

Глава 7

— Куда наверх? — Голос Глеба был хриплым.

— На улицу? Всё уже?

— Нам пора,Глеб, — мягко поправил ведущий.

— Не вам. Вы нас не провожаете.Первым поднялся Виктор, он встал так прямо, будто его потянули за невидимую нитку, и пошёл к лестнице, прижимая кулак к груди.

Глеб ждал, что он оглянется, хотя бы кивнёт ему на прощанье.Но он не оглянулся, только на первой ступени чуть замедлился, и Глеб услышал, как он тихо, будто самому себе, сказал:— Дочке куклу отдать надо.За ним встала Нина. Она шла и всё время подтягивала перчатки к запястьям, раз за разом, хотя они давно сидели как надо. На лестнице перчатки вдруг показались Глебу не белыми, а серыми, как бинты, которые долго носили.

Олег поднялся тяжело, как будто стул не хотел его отпускать, он встал рядом и впервые за вечер посмотрел на Глеба . Глаза у него были мокрые и совсем живые, и от этого было даже жутко.— Слушай, — сказал он тихо. — Там, где ты будешь, воды будет много, но она не настоящая. Ты просто не ходи на мост, понял? Что бы тебе ни говорили. Не ходи!— На какой мост?! Я не...Но Олег уже шёл дальше, и за ним в воздухе остался запах мокрой одежды и речного ила.Бабушка в сером платке встала последней.

Она не пошла сразу к лестнице, а подошла к Глебу и снова положила ладонь ему на плечо..— Не приходи больше сюда, сынок. Что бы они ни говорили, не приходи. Рано тебе.— А вы? — Он поймал её за рукав. Рукав был сухой и тёплый. — А может вас проводить, как вы одна?— Я дойду, главное, ты не ходи.Она отняла рукав и пошла к лестнице.Шаги у неё были неровные, шаркающие, и Глеб подумал, что только их и слышит.

Остальные поднимались совершенно беззвучно.Они уходили по одному, по узкой лестнице, и вместе с каждым что-то исчезало. Виктор ступил на последнюю ступень, и погасла свеча на подоконнике. Нина, и погасли две в углу. Олег, и пламя на уступе у стены просто пропало, не вздрогнув, будто выключили лампочку. Потом наверху глухо хлопнула дверь.В подвале остались двое. Глеб и Лев Андреевич.Ведущий не пошёл за остальными.

Он стоял у колонны, где стоял в начале вечера, и в руках у него был всё тот же блокнот. Он открыл его, нашёл нужную страницу и провёл карандашом по строчке сверху вниз, медленно, будто ставил галочку напротив каждого имени. Потом остановился, не дойдя до конца.

— Вот ваша строчка, Глеб, — сказал он, не поднимая глаз. — Единственная, которая пока не закрыта. Ну, и ещё одна.

— Он едва заметно улыбнулся. — Но та пока не моя забота.— Я не понимаю, о чём вы. — Глеб отступил на шаг и наткнулся на стул. — Что значит закрыта? Что вы здесь вообще делаете?

— То же, что и всегда. Провожаю.

Он захлопнул блокнот, кивнул учтиво, с тем самым выражением, с каким врачи прощаются с пациентами на пороге палаты, и пошёл к лестнице.Его шаги растворились раньше, чем он дошёл до верхней ступени, и последняя свеча в подвале погасла.

Темнота наступила сразу и целиком, и тут что-то холодное коснулось его ботинка.Он отдёрнул ногу и опустил глаза, хотя в темноте ничего не было видно. Но кожей, ступнёй, он ощутил: по полу, по бетону, ползёт вода. Тонкой плёнкой, почти нежно, как будто пробует его на вкус.

Он двинулся назад, к стулу, и она пошла следом.Он бросился туда, где должна была быть лестница, ботинки хлюпнули, вода дошла до щиколоток, до лодыжек, она была такой холодной, что ступни онемели. Он врезался плечом в стену, нащупал ржавые перила и вцепился. Поднял голову. Ступени уходили вверх, во мрак, и там не было ни щели, ни лампочки, ни двери. Только плотная чернота, как в закрытом гробу.

— Эй! Откройте!!!!— Он закричал, и крик не разошёлся эхом, а упал, как камень в вату. — Лев Андреевич! Откройте, пожалуйста!Вода почти добралась ему до колен, что-то мягко ударилось в ногу, он дёрнулся и понял, что это стул. Он плыл по воде, медленно разворачиваясь, и за ним плыл другой, третий. Они кружились в темноте, как лодки без вёсел, и Глебу вдруг показалось, что на каждом кто-то сидит. Что они повернулись к нему спинками и ждут, пока он обернётся.

— Я же проверял! — заорал он. — У меня были сухие ноги! Я проверял!Вода дошла до пояса и вцепилась в него, как рука. Скрежет стал таким громким, что заболела голова. Воздух стоял спертый. Было ощущение, как в самолёте перед посадкой, когда закладывает уши, только это давило не на уши, а на грудь, на рёбра, на всё. Что-то маленькое ткнулось ему в бок. Он

знал, что это, не стал смотреть, и всё равно краем глаза увидел: закопчённая головка, платьице, плывущее по чёрной воде лицом вниз.

Глеб заорал ещё сильнее. Вода хлынула в рот, и он ощутил её вкус: железо и копоть.И тогда он услышал голос.Не далёкий. Он был совсем рядом, у самого уха, мокрый от слёз, сорванный до хрипа:— Глеб! Глеб, пожалуйста! Он дышит! Он дышит, слышите? Сюда, скорее, он дышит!Он узнал его. Он знал этот голос всю жизнь, и странно, что не узнал раньше. Так мама звала его из коридора в детстве, когда он убегал на улицу и не слышал.

— Мам, — захрипел он, захлёбываясь. — Мам, я здесь! Я тут! Я слышу!

Воды больше не было. Не было подвала, не было стульев, не было холода. Был только писк, быстрый, частый, как будто аппарат перепугался вместе с ним.А потом на него обрушился свет. Белый, режущий, без запаха воска

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.